

Израиль ПЕРЕЛЬМАН: БЕРЕГА ЕГО ЖИЗНИ, ИЛИ ЗАКОУЛКИ ДЕТСТВА И ОТРОЧЕСТВА (к 130-летию со дня рождения)

Счастье ... Для каждого – своё, и какое же оно бывает разное!

Всматриваясь в фотографии 50-х годов, на которых предстаёт Израиль Моисеевич Перельман, практически всегда ощущается зримый образ внутренне богатой, цельной и одухотворённой личности профессора (рис. 1). Был ли он счастлив в конце своего жизненного пути? Напрашивается однозначный ответ – да. Несмотря на все перипетии судьбы, которые были ему уготованы, он мог с уверенностью сказать: «Жизнь состоялась, годы прошли не зря. По всем законам бытия оставлен заметный след в этом мире земного существования: в буквальном и переносном смысле написана книга, в которой много увлекательных и поучительных страниц. Построен аллегорический дом – семейные узы с единожды выбранной любимой женщиной». Особой гордостью были дети, в которых виделось достойное продолжение. И как же хотелось, чтобы у них жизнь складывалась чуть-чуть не так, с меньшими потрясениями – уж чего-чего, а их-то было предостаточно.

Судьба профессора Израиля Моисеевича Перельмана заслуживает того, чтобы о нём помнили поколения тех, кто связан с хирургией. Во многом её хитросплетения поучительны и для простого обывателя. Достигая вершин своего профессионального становления, он неоднократно попадал в бездну проблем и разочарований, а затем снова «воскрешал из пепла», творил добро и старался быть нужным людям. География жизненного пути И.М. Перельмана весьма обширна и разнообразна. Белоруссия же для него стала стартовой площадкой профессионального взлёта, удачно определив единожды избранный путь, с которого он никогда не сворачивал.

С именем Перельмана связана история создания Минского медицинского университета и функционирования Минской губернской больницы. А сколько душевных сил и энергии было отдано становлению земской медицины в Борисовской районной больнице, укреплению хирургической службы в Горках, Гомеле и Могилёве. Незаурядность личности Перельмана оказалась как нельзя кстати при организации учебного процесса в Витебском медицинском институте, а в годы эвакуации во время Великой отечественной

Рис. 1. Перельман Израиль Моисеевич (1892-1954).
Fig. 1. Perelman Israil Moiseevich (1892-1954).

войны – в Орджоникидзе и Новосибирске. Венцом его таланта стал период жизни и деятельности в Ярославле в качестве активного участника создания нового медицинского вуза. Где бы он не был, как это пафосно не звучит, главным в жизни оставалось беззаветное служение любимой хирургии, которое давало желанные плоды. Всегда и во всём его сопровождало умение творить руками – рукодействовать. Именно таким он был в кругу профессионалов – современников, именно таким его стоит вспомнить, отмечая круглую дату – 130-летие со дня рождения.

Об истоках Ляховки сказывают

Начиналось же всё в Белоруссии.

Предки Перельманов в качестве переселенцев сначала попали на земли Оршанского уезда Витебского воеводства, а затем волею судеб они оказались в Минске, и истоки нашей истории – именно оттуда.

К югу на выезде из города, где река Свислочь образовала крутую S-образную извилину (двойную “луку”), когда-то располагалась окружённая топью и болотами деревня Ляховая Лука, принадлежавшая Вознесенскому монастырю. Одно из первых упоминаний о ней относится к Минским актам 1582 г. Спустя годы здесь появилось «большое село, где более одной церкви, ярмарка и ... где крестьяне почти не пашут» – Ляховская Слободка, уже в XIX в. значившееся на плане Минска как южная окраина города (рис. 2).

Тайной далёкого прошлого остаётся происхождение названия этого поселения. Сказывают, непролазные болота сурово пресекали действия тех, кто покушался на его мирную жизнь, беспощадно поглощая в свою путину врагов, о гибели которых возвещали далеко слышимые стоны (ляхи). А ещё, облюбовав глухие места, здесь издавна селились поляки – «ляхи» по-белорусски. Трудно ответить и на другой вопрос: чем влекла эта Богом забытая окраина, когда под покровом ночи пробирались сюда люди разных сословий?

Пребывая в загадках истинности происхождения Ляховки, непревзойдённым очарованием переполнена легенда-быль, которой дорожат не только старожилы. На топком берегу Свислочи посреди непролазных болот поселился Старец, сотворивший здесь языческое

Цитировать:

Ларичев А.Б. Израиль Перельман: берега его жизни, или закоулки детства и отрочества. К 130-летию со дня рождения. Вестник экспериментальной и клинической хирургии 2022; 15: 3: 278-285 DOI: 10.18499/2070-478X-2022-15-3-278-285.

капище. Густой лес из ели, осины, ольхи и берёзы надёжно охранял это заповедное место. Главным объектом поклонения стал просуществовавший до 1888 г. дуб Волат (Великан), охватить который едва могли четыре человека. Зловещим представлялось его большое дупло, чёрным оком взиравшее на пришедших сюда с поклоном. Трепет поддерживал словно покрытый вековой сединой сухой верх древнего дерева, с нижних ветвей которого свисали многочисленные дары – целебные жёлуди, благодушно отдаваемые этим существом во здравие человеческое.

По одну сторону от дуба находился гранитный валун с уважительным именем Дед (Старец). К камню примыкал помост, другая оконечность которого размером до 2 аршин в ширину, величаво нависая над водой, покоилась на столбах, уходящих вглубь Свислочи. Творить волшебство помогал жертвенник Жыжа, разместившийся по другую сторону от Волата в 10 м от Деда-валуна. Поначалу он представлял собой до 1,5 аршин в диаметре пространство, окружённое выше роста человека стеной из камней размером 20-25 см на густой глине. После того, как глина размокла, а от огня появились многочисленные трещины, смастерили другой «алтарь» с каменным дном кострища, который ненасытно поглощал приносимых сюда жертвенных животных. На огороженной вокруг них с трех сторон площадке служил народу и неведомым силам знахарь, заговаривая болезни, привораживая и предсказывая будущее, продлевая или укорачивая жизнь – помоги Боже.

Если легенда о древнем старце могла восприниматься как сказка, то не столь давние события – всё ещё на устах. В середине XIX в. у местного люда безграничным уважением пользовался живший в деревянном доме при капище мужик крупного телосложения с чёрной бородой и длинными волосами – волшебник Севастей, отец которого тоже служил жрецом при камне. Приметной частью его чудодейств был небольшой петушок-свистулька, самолично делаемый старцем из глины, обжигаемый и раскрашиваемый. Петушка полагалось держать в «красном углу» и молиться на него.

Далеко не всем были по душе деяния знахаря. В 1880 г. накануне празднования 900-летия крещения Руси с ведома властей потушили негаснувший до толе священный огонь, засыпали источник, а вещий дуб спилили. Радостям церковнослужителей не было предела, они прогнали Севастея, отобрав и камень, и все молельные принадлежности. В качестве главного объекта почитания нарекли «анало» – ящик с крестом, кадило, Евангелие и миску для денежных приношений. А служить поставили отца Яфимия, который, как оказалось вскоре, на самом деле был крепостным, бе-

Рис. 2. Ляховка на плане Минска [1820 г.].
Fig. 2. Lyakhovka on the plan of Minsk [1820].

жавшим из тюрьмы конокрадом Яхимом Скардовичем. После открывшейся правды он сбежал, а желающих занять освободившееся «поганое место», где, бывало, собирались черти и жила ведьма, никого не нашлось. Однако даже после этого не слабел поток жаждающих поклониться валуну Деду, благо сам он одиноко, без дуба и жертвенника, без родника и хранителя этих священных мест, стоически переносил окружающую вакханалию. К тому же память ещё хранила особо почитаемого долгие годы кудесника Севастея даже после его смерти в 1904 г. в более чем столетнем возрасте в здравом уме и видимой физической силе.

Бытописание и повседневная жизнь Ляховки

Впрочем, была и другая жизнь провинциального захолустья, коим оставалась Ляховка. С каждым годом всё настойчивее завоёвывала свои позиции вездесущая цивилизация. Сначала это была Московско-Брестская (1871) и Либаво-Роменская (1873) железные дороги, которые обеспечивали подвоз сырья и отправку грузов. Вслед за этим появилось несколько небольших кожевенных предприятий – мастерские Л. Монтвелинского (1875) и А.В. Имрота (1885), а также заводы Б.М. Лане (1881) и Л. Сутина (1896). На базе небольшой кузницы предприниматель Н.Я. Якобсон (1881) организовал Кошарский чугуно-меднометаллургический комбинат, а братья Раковщиковы стали владельцами крупнейшего

Цитировать:

Ларичев А.Б. Израиль Перельман: берега его жизни, или закоулки детства и отрочества. К 130-летию со дня рождения. Вестник экспериментальной и клинической хирургии 2022; 15: 3: 278-285 DOI: 10.18499/2070-478X-2022-15-3-278-285.

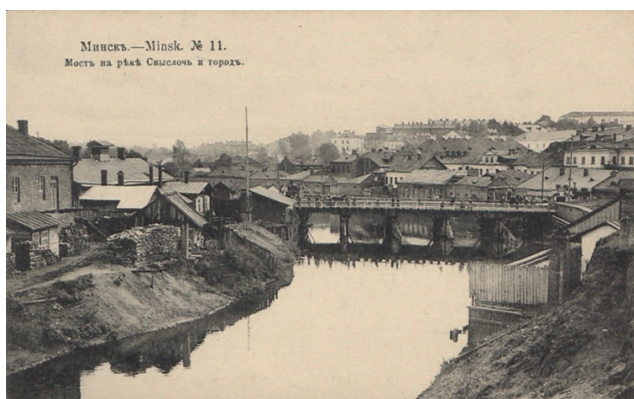

Рис. 3. Мост через реку Свислочь. Ляховка. Минск [начало XX века].

Fig. 3. Bridge across the Svisloch River. Lyakhovka. Minsk [beginning of XX century].

дрожже-винокуренного завода, здания которого резко выделялось на фоне деревянных построек добротным кирпичным строением с небольшими окнами (1892). Неудержимая капитализация Минска и его фабрично-заводских окраин требовала пополнения рабочей силы, и сюда потянулся трудовой люд.

Иная причина разрастания городской территории определялась существовавшим тогда в России законом о черте оседлости еврейской и католической буржуазии. Им не позволялось приобретать земли за пределами городской черты с тем, чтобы вести там строительство доходных домов и торгово-промышленных предприятий. Идя навстречу пожеланиям местных предпринимателей, власти расширяли границы города. С 1860-61 г. до 1897 г. площадь Минска увеличилась в 10 раз, а население – с 27 до 90,9 тыс. жителей. Он стал занимать девятнадцатое место в списке из 52 российских городов с числом жителей свыше 50 тыс. Отсюда неудивительно, сколь стремительными оказались темпы появления таких микрорайонов, как Верхняя и Нижняя Ляховка и Ляховская Слободка.

Жильё большинства обитателей было весьма неприглядным. Для рабочих строили специальные здания – казармы. Такое небольшое каменное строение делилось на две части. В одной половине устраивали помойную и выгребную или мусорную яму, сарай для свиней, склад для дров и прочие подсобные помещения. Другая половина, отделенная от первой тонкой в один кирпич стеной, была жилым пространством. Окна этих комнат, располагавшиеся у самого потолка, своей малой величиной (не более полуаршина) стеснительно напоминали о своей никчемности. Стены и потолки были испещрены узорами плесени и сырости. И в этих комнатах (в каждой из них) словно заживо хоронилось душ пять-шесть, которым днем принадлежала грязная улица, ночью – сырой подвал.

Жили и в землянках, и в собственных деревянных домах. Улицы с такими постройками больше напоминали сельскую местность. Разве что возле домов не было скамеек, а в дневное время редко попадался кто-либо прогуливающимся или просто стоящим у ворот. Праздношатание вообще не приветствовалось, да и состояние улицы не позволяло наслаждаться окружающим пейзажем. Повсюду царствовало зловоние, да поломанные мостовые и тротуары, нуждавшиеся в капитальном ремонте. Особенно грустно становилось в период весеннего половодья Свислочи, последствия которого долго поддерживалось расположенной здесь одной из трёх водяных мельниц Минска. Улица терпела бедствие и в осеннюю распутицу, грязь и слякоть заставляла прохожих пробираться вдоль домов, обходя колеи, заполненные водой. Преодолеть неудобства иногда помогали устроенные жителями деревянные мостки. Добирались сюда пешком, по сплошному бездорожью владельцы конок ездить не решались, а люди благородного звания в эти края заглядывали редко, в том нужды особой не было.

Даже в таких условиях Ляховка испытывала светлые мгновения, люди влюблялись, женились, справляли крестины, отмечали Рождество и Пасху. В такие дни не грех было нарядиться. Мужики, достав пропахшие нафталином добротные костюмы-тройки из фабричного сукна и до блеска начищенные сапоги, преобразались до неузнаваемости. Их путь, как правило, следовал до ближайшего трактира, в котором оставалась большая часть получки. Местные же красавицы, одетые в длинные платья или юбки с блузками, в ботинках на высоком каблучке становились ещё краше.

Особую радость приносило лето, когда всё утопало в зелени, плодоносили многочисленные сады и всеял оптимизм ожидаемый урожай с огородов. По вечерам жители собирались в домах или во дворах и обсуждали прошлое, настоящее и будущее. А в обычные выходные дни популярностью пользовалась огромная Ляховская роща, которая славилась своими маевками – майскими гуляниями. На Кошарской площади можно было посмотреть различные спортивные состязания. Умиляла плавно струящаяся Свислочь, берега которой мёртвой хваткой удерживал перекинутый через неё деревянный мост (рис. 3). Местами плачущая ива низко склонялась над водной гладью, манящей девственной чистотой зеркального отражения голубого неба. В реке можно было и бельё полоскать, и купаться, как раз у Нижне-Ляховской улицы была устроена купальня. Однако санитарная служба предупреждала, вода здесь опасна в плане загрязнённости. Популярными были прогулки на лодках и даже рыбал-

Цитировать:

Ларичев А.Б. Израиль Перельман: берега его жизни, или закоулки детства и отрочества. К 130-летию со дня рождения. Вестник экспериментальной и клинической хирургии 2022; 15: 3: 278-285 DOI: 10.18499/2070-478X-2022-15-3-278-285.

ка, а когда речные просторы как минимум на четыре месяца сковывало льдом, появлялось другое развлечение – устраивали снежные забавы и катание на коньках.

Когда ангелы-хранители рядом

В числе пожаловавших на обетованную землю Белой Руси оказался Моисей (Мовша Люкумов) Перельман. У него не было каких-либо предпочтений для выбора места постоянного проживания. Перельманы были той самой еврейской беднотой, которой не позволялось переступить ограничения «черты оседлости», и обойти закон ему не представлялось возможным. Именно это определило выбор Белоруссии в качестве малой Родины для своей семьи. Впитав с молоком матери почитание еврейских традиций, он никогда не придерживался жёстких канонов иудейской религии, однако у него и в мыслях не появлялось желание поменять вероисповедание ради сиюминутных (и не только) выгод. Благодаря успехам в земледелии, а также способностям торговать и заниматься посредничеством, он слыл рачительным хозяином, но так и не достиг ранга купца I гильдии. В довершение ко всему ему не посчастливилось получить хотя бы какое-нибудь образование, до конца жизни он ставил в документах вожаденный крестик вместо подписи.

Оказавшись в Минске, Моисей Перельман «облюбовал» фабрично-заводскую окраину – Ляховку, которая дала ему и кров, и дом. И пусть это место было не ахти какое приглядное, зато здесь наравне с многими тысячами таких же «новосёлов», как бы начиная с нуля, можно было строить планы на будущее и энергично воплощать их в жизнь. Благо для этого хватало энергии и здоровья, было огромное желание вырваться из оков нужды, был крепкий семейный тыл. Законно полученный вид на постоянное место жительства уравнивал права Перельмана со статусом других русских подданных, имевших одинаковое с ним состояние. В период обустройства посильную помощь оказала Еврейская община, насчитывавшая тогда чуть меньше половины населения города. Бывший земледельцем, а теперь промышлявший самыми разными ремеслами и, в первую очередь, торговым делом, он обзавёлся домом – без мезонина и торжественных колонн, но зато своим, довольно просторным, чтобы вместить, как планировалось, большую семью.

Рахиль, верная спутница и хозяйка домашнего очага умело создавала доброжелательную обстановку. Она любила и была любимой. Моисей не раз слышал лестные отзывы о супруге. Было немало тех, кто завидовал Перельману: симпатичная женщина отличалась умом, и статью. Чувство такта и благоразумие, робкая строптивость и обаяние, лёгкая кокетливость

и рано появившаяся мудрость еврейской женщины удивительным образом сочетались в этом, не сказать, чтобы хрупком, но бесконечно милым, тёплом и уравновешенном создании. Конечно, она была царицей, пленявшей всё и вся (рис. 4).

Повседневная жизнь наполнялась бытом и трудовыми буднями, которые прервались свидетельством того, что в семье будет первенец. Этого ждали, волновались и готовились к рождению мальчика, в чём никто не сомневался. Хотя и не были Перельманы сильно верующими, но чётко знали, что у них будет так, как в Талмуде записано: «Если муж первый извергает семя, то родится девочка, если жена – мальчик». К счастью беременность и на этот раз протекала без проблем, а очередные роды прошли благополучно.

В начале зимы 1892 г. – 5 декабря – пронзительный крик младенца возвестил Ляховку о появлении на свет нового жителя в семье Перельманов. «Желанный сын, любви взаимной плод, предмет забот мучительных и нежных, у них родился». Придерживаясь еврейских традиций, мальчика нарекли двойным именем Шолом-Израиль, от которого, верили, зависит дальнейшая судьба новорожденного. Первое из них сокровенно звучало в семейном обиходе и в переводе с иврита означало «мир», оно впитывало в себя все положительные черты, которые могут быть свойственны человеку – согласие, невозмутимость, доброжелательность, благополучие, здоровье, почитание и, конечно,

Рис. 4. Рахиль Перельман.
Fig. 4. Rachel Perelman.

Цитировать:

Ларичев А.Б. Израиль Перельман: берега его жизни, или закоулки детства и отрочества. К 130-летию со дня рождения. Вестник экспериментальной и клинической хирургии 2022; 15: 3: 278-285 DOI: 10.18499/2070-478X-2022-15-3-278-285.

святость. Второе, происходило от глагола управлять, быть сильным, облеченным доверием и означало – бог властвует ребенком в многодетном семействе. Нарекли и не прогадали, как будто с именем этим мальчик приобрёл непростой характер, волевой, принципиальный, жаждущий любое дело доводит до конца, а как к зимнему его обладателю приложилось существенное дополнение – обостренное чувство справедливости и упрямство, так гласили предсказания.

Главным смыслом жизни Моисея и Рахиль стало создание большой и дружной семьи. Надо признать, им это удалось на славу. Род Перельманов быстро множился, дети появлялись как грибы, из года в год, один за другим ... сначала Рахиль, а вскоре за Израилем – Марк, Григорий, Ольга, Лиза, Гинда, Роза, Давид. Всякое пополнение одновременно с радостью рождения желанного дитя приносило дополнительные заботы. Нельзя сказать, что Перельманы влачили жалкое существование, однако и о зажиточности говорить не приходилось. Становление на ноги многочисленного семейства давалось нелегко. Как это нередко бывало, младшие донашивали то, что оставалось сносным от старших, а одеждой на выход пользовались по очереди. По началу домашнее хозяйство удавалось вести самостоятельно. Однако с рождением очередного ребёнка стало понятным, что Рахиль не сможет обеспечить благополучие и порядок в доме. В семье появилась незаменимая помощница и няня Мария.

Моисей ощущал себя вполне самостоятельным хозяином. Многие задумки реализовывались сполна, а успешное торговое дело позволило ему занять устойчивое положение среди обитателей Ляховки. Подтверждением тому стала его приписка к Минскому мещанскому сообществу. Как известно, для этого нужно было иметь в городе недвижимую собственность, заниматься торговлей или ремеслом, исполнять податные обязанности и заниматься городской общественной службой. Перельман соответствовал выдвигаемым требованиям. И хотя принадлежность к данному сословию относил его обладателя к «нижнему разряду городских обывателей», суть подобного статуса не менялась – «мещанское название есть следствие трудолюбия и добронравия», лежащие в основе приобретённого материального состояния. Куда важнее было общественное признание; как тогда считалось, мещане относились к категории «правильных обывателей», которым присущи личная ответственность, чувство долга в семейной жизни, уважение к труду, почитание старших по возрасту и религиозность.

Авторитет Моисея Перельмана позволял ему подключиться к управленческой деятельности в качестве мещанского депутата, избираемого сроком на

три года по одному от каждого двора для составления общественных приговоров. В свою очередь работа в мещанской управе давала возможность участвовать в «организации сословного управления путем выборов должностных лиц; раскладке, взиманию и платежу различных сборов и налогов и отправлению других повинностей; заведению ревизскими и посемейными списками своих членов; выдаче им паспортов; призрению больных, дряхлых и увечных; заведению сословными продовольственными средствами; цензуре нравов своих членов, сопряженной даже с правом административной их ссылки в Сибирь; и некоторыми другими обязанностями. Наряду с этим мещане получили широкий доступ к государственной службе, из их среды выходили лица «свободных профессий» и формировалась интеллигенция. А ещё принадлежность к мещанскому сословию передавалась по наследству, и теперь можно было до некоторой степени быть спокойным – у детей есть стартовые возможности, которые определяют судьбу в будущем.

Как у большинства мещан, глава семьи – Моисей – управлял всем домом и домочадцами, и его приказания выполнялись беспрекословно. Вместе с тем такая патриархальная строгость не мешала созданию атмосферы доброжелательных отношений между родителями, детьми и всеми, кто их окружал за пределами семейного уюта. Всячески поддерживалось стремление к знаниям и почитание учёности. Опираясь именно на эти устои, Перельманы ясно осознавали: наиболее реальной возможностью окончательно вырваться из тисков «черты оседлости» является образование, которого им самим так не хватало. Родители Шолома, как и многие знакомые евреи, понимали очевидные преимущества светской формы учёбы и открывавшиеся при этом возможности материального успеха. Неудовольствие же раввинов – это всего лишь маленькая помеха, которую стоило преодолеть, устремившись в русские учебные заведения.

Смышлёность Шоломки (так домашние называли первенца-сына) и его старшинство по возрасту среди братьев как бы само собой обеспечило те подавляющие «за», которые определили дальнейший путь мальчика в познании учёного мира. По достижении возраста, когда уже позволялось поступать на учёбу, он стал учеником городского начального училища. Торжественность момента решили запечатлеть, и по этому поводу состоялся поход в фотоателье особо популярного мастера И.М. Бернштейна, содержавшего свой салон на улице Преображенской, 47 в доме известного специалиста по женским болезням доктора Л.В. Берлянда. Детское лицо, одухотворённое серьёзностью происходящего, умница и просто само очаро-

Цитировать:

Ларичев А.Б. Израиль Перельман: берега его жизни, или закоулки детства и отрочества. К 130-летию со дня рождения. Вестник экспериментальной и клинической хирургии 2022; 15: 3: 278-285 DOI: 10.18499/2070-478X-2022-15-3-278-285.

Рис. 5. Шóлом-Израиль Перельман [1900 г.].
Fig. 5. Sholom-Israil Perelman [1900].

вание – таким предстал на первом фотоснимке Шóлом-Израиль Перельман (рис. 5).

Главными предметами, с которыми Шóлому довелось познакомиться, были русский язык с чистописанием, арифметика, история, география и естествоведение, а также церковное пение и черчение. Преподавание двух последних дисциплин отличало обучение двукласное (в течение 5 лет) от одноклассного (трёхгодичного). Что касается Закона Божьего, то не православные дети освобождались от его изучения. Учение давалось легко, поэтому переход из класса в класс осуществлялся без проблем. В награду, как тогда практиковалось, за добросовестную учебу освобождали от платы за обучение.

Тем временем в семье Перельманов один за другим рождались дети. Привычно звучащий в их доме плач малыша, конечно, теснил всех, однако у Израиля в связи с этим забот не прибавлялось. У него были другие обязанности, старшинство по возрасту требовало опекать, в первую очередь, Марка и Ольгу, шагавших за ним след в след и находивших в брате объект для подражания. Почти взрослое понимание жизни сплотило их на долгие годы, именно с ними было интереснее всего общаться, находить темы для разговоров. Братья учились в начальном училище и всегда находились в одной кампании.

Первая любовь досталась юности

Однажды старшая сестра Рохля заметила перемены в облике брата. Вскоре она стала свидетелем появившегося у Шóломки «первого очарования души», подарившего ей свою фотографию со сдержанной надписью на обороте: «Въ память нашего знакомства! Уч. V кл.

Рис. 6. Шóлом-Израиль Перельман [1905].
Fig. 6. Sholom-Israil Perelman [1905].

Юноша испытал чувства невероятной симпатии к ровеснице с приятным открытым лицом, на котором примечательно ютились прямые разлетающиеся брови и обрамлённые распахнутыми ресницами чёрные глаза, способные излучать только добро. В них не было места для грусти и печали. Образ дополняла причёска, собиравшая волосы вверх и сзади в небольшой пучок, который удерживался декоративным гребешком. По бокам же из неё выбивалась непослушная малость кудряшек, выдававшая детскую непосредственность хозяйки. Обезоруживало буквально всё: и чуть вздёрнутый носик, и прямой взгляд, и слегка припухшие губки, смыкавшиеся в идеальную линию приветливой улыбки. Чудесную картинку завершал широкий лоб, свободный от беспечных волос-завлекашек, и несколько выдвинутый вперёд подбородок (рис. 7). Можно ли было пройти мимо такой прелести и не обратить внимания? К тому же это божественное создание ответило взаимностью.

Рис. 7. Тайна юношеских чувств Израиля Перельмана [1905].
Fig. 7. The secret of youthful feelings of Israil Perelman [1905].

Цитировать:

Ларичев А.Б. Израиль Перельман: берега его жизни, или закоулки детства и отрочества. К 130-летию со дня рождения. Вестник экспериментальной и клинической хирургии 2022; 15: 3: 278-285 DOI: 10.18499/2070-478X-2022-15-3-278-285.

Теперь после окончания занятий он бежал на свидание, а прогулки по улицам и бульварам становились праздником для двоих. Обычная городская жизнь проплывала мимо. «Дама просто приятная» и «дама приятная во всех отношениях» ... проходили под легкими цветными зонтиками ..., а тонконогая зябковатая левретка в желтой попонке робко шла впереди. Полицейстер на дребезжащей извозчичьей пролетке, распутив гигантские рыжие усы, галантно прикладывая к козырьку толстые пальцы в белой перчатке. Мастеровые с ведром краски и огромными кистями на плече опасливо снимали перед ним замасленные картузы. Флегматичный чухонец у воза с сеном посащивал коротенькую трубочку и сплевывал на сторону желтоватой слюной. Краснощекая, закутанная в десять платков молочница громыхла жестяными бидонами. По бульвару, путаясь в длиннополых шинелях, погруженные по уши в огромные фуражки с серебряным гимназическим гербом, бежали, размахивая ранцами, шустроглазые «приготовишки». Чинно выступали длинноносые девочки-подростки в коричневых форменных платьях, и за ними непременно шествовала лошадинообразная гувернантка, mademoiselle или miss, со связкой учебников или черной папкой. Изредка, цокая копытами, пара англазированных коней катила щегольскую карету с гербом, и сухопарая дама с седеющими буклями презрительно подносила к близоруким глазам золотой лорнет». И это всё казалось ничтожно малым по сравнению с тем, что рядом с ним была галантная и очень милая девушка.

Любимым местом для прогулок стал Губернаторский сад. Долгие годы он хранил задумки своего основателя Захара Корнеева. По мнению генерал-майора В. Броневского, этот парк тогда слыл лучшим образцом садового искусства. Высеченное на входе латинское выражение «Otium post negotium» (Отдых после работы) приглашало всякого насладиться уголками благодати, при этом городская управа предписывала не допускать сюда неприлично и грязно одетых. Заложенные в парке мотивы романтизма привлекали горожан во все времена: три аллеи, вдоль которых разместились уютные скамейки, сеть боковых дорожек к павильонам и беседкам, купальня, грот, каналы с мостиками, цветники и, конечно же, многочисленные деревья в основном местных пород.

Сад периодически обновлялся. Местами попадались «липы, похожие на старушек фрейлин елизаветинского двора ... Вольно и беспорядочно разбегались по лужайкам крепкорукие дубы, неразговорчивые вязы, девственные клены, простодушные ясени, печальные ивы ... Кое-где поблескивало тусклое серебро болотных берез. Птицы любили тенистые дубы и липы. Сколько их щебетало здесь по утрам, когда все

кругом еще покрыто тяжелой росой и в густой траве остается темнеющий след, а раннее солнце бродит в пробудившихся вершинах! Парк жил весной и летом, вторгаясь запахами деревни и леса в пыльную, монотонную городскую жизнь. Глубокой осенью ... крепким отстоем поздней рябины и терпким запахом сырых опавших листьев наполнен был холодеющий, отяжелевший воздух»; повсюду ощущалось, как в «доцветании аллей дрожат зигзаги листопада», а зимой всё погружалось в спокойный пуховый сон.

Жаль, но всё хорошее когда-нибудь кончается. Так произошло и на этот раз: идиллия взаимоотношений Израйля Перельмана и его первой симпатии оказалась очень хрупкой и недолгой. Их пути разошлись, оставив в душе каждого светлые чувства, безвозвратно ушедшие в далёкое прошлое. А ещё сохранилась та самая фотография с дарственной надписью, сделанная в фотосалоне братьев Эльи и Янкеля Берманов на улице Захарьевской, 58, по которой так часто бродила влюблённая пара. В пылу случившегося разочарования фото, став единственным и уникальным свидетелем пылкой влюблённости ранней молодости, было возвращено тому, кто когда-то казался по-настоящему милым. Позднее Израиль прочитал строки Д. Штенберга, относившиеся к Марлен Дитрих: «Я так и не осмелился дотронуться до этого эфемерного видения из боязни страха, как бы оно не растаяло при моём прикосновении. Но один из моих друзей, более приземлённый и лишённый подобных страхов, позаботился о том, чтобы завершить эту главу моей жизни в тот день, когда я застал их в объятиях друг друга». Нахлынули воспоминания, которые беспощадно бередили затаившиеся до поры до времени трепетные чувства. «Этот нежный возраст – примерно в 14 лет, был отмечен безоглядной подростковой влюблённостью. Венские Девочки были самыми грациозными, с гордой походкой, которой больше не встретишь, а та, которую я выбрал, чтобы влюбиться в неё навсегда, была среди них королевой. У неё было гибкое и многообещающее тело, и малейшее движение, которое она делала, казалось волшебным; форма, в которой отлили её фигуру, была использована только один раз». Когда-то и у Перельмана было именно так.

В начале большого пути

Быстро пролетел пятилетний период обладания начальным образованием. Своими успехами способный ученик радовал наставников, однако его достижениями ещё больше гордились родители. О том, что стремление старшего сына к приобретению новых знаний должно быть одобрено, у Перельманов двух мнений не существовало. Казалось, не имело значение и то, что к этому времени в семье было семеро детей, и по стопам брата следовали Марк, Ольга и Григорий.

Цитировать:

Ларичев А.Б. Израиль Перельман: берега его жизни, или закоулки детства и отрочества. К 130-летию со дня рождения. Вестник экспериментальной и клинической хирургии 2022; 15: 3: 278-285 DOI: 10.18499/2070-478X-2022-15-3-278-285.

Всем виделся путь Шóломки в реальное училище, которое при благоприятном стечении обстоятельств могло послужить стартовой площадкой для получения высшего образования. В этом отношении могла конкурировать только мужская гимназия. Да, в сознании многих «реальное» образование находилось на ступень ниже по отношению к классическому, а ученики училища по сравнению с гимназистами являлись как бы «людьми второго сорта». Вместе с тем, основное их отличие сводилось к приоритетам общего образования. В гимназии наряду с прочими предметами пристальное внимание уделяли преподаванию латинского и греческого языков. В результате после 7-8 лет обучения выпускники становились, главным образом, гуманитариями. В учебном плане реальных училищ основное место отводили предметам естественно-математического цикла. Таким образом закладывались основы получения дальнейшего технического образования. Пройдя 6-7-летний курс обучения, учащиеся могли поступать в технические, промышленные и торговые высшие учебные заведения. Родители решили – больше подходит реальное училище.

Для того чтобы желаемое стало действительностью, пришлось одолеть ряд законодательных преград. Существовали формальные требования: в училище принимали мальчиков, имевшие начальное образование, за учёбу требовалась оплата в пределах 40 рублей в год, и число учеников из евреев ограничивалось «нормой» – 10% происходящих из «черты оседлости». Решению проблемы способствовал авторитет Моисея Перельмана, который не единожды избирался депутатом. Он был весьма уважаемым в кругах мещанского сословия, выходящих за пределы Ляховки. Платное обучение сопровождалось существенными материальными издержками, которые в принципе определяли контингент учащихся. Среди них не было детей рабочих, а крестьянские дети – только из зажиточных семей. Лишь для двух-трёх наиболее способных счастливых делалось исключение, они освобождались от платы за обучение, и Шóлому было по силам попасть в их число. Его великолепная успеваемость обезоруживала самых серьёзных «экзаменаторов», и по сему финансовый вопрос пока отодвигался на задний план.

В соответствии с установленным порядком на имя директора было подано прошение. К нему приложили свидетельства о возрасте (принимались дети не старше 13 лет), о звании и о поведении (выдавалось из начального училища). После этого следовало выдержать экзамен-собеседование по русскому языку, арифметике и закону Божьему. В первый класс зачисляли тех, кто набрал большее количество баллов и соответственно умел бегло и правильно читать, и писать

под диктовку по-русски без грубых орфографических ошибок, требовалось знание наизусть молитвы и первых 4 действий над целыми числами из арифметики, умение письменно и устно решать лёгкие задачи с небольшими целыми числами. Для Израиля собеседование оказалось незамысловатым, и по его результатам было принято решение – кандидатура мальчика по всем параметрам подходит для приёма в Минское реальное училище.

В начале августа 1905 г. свершилось ещё одно важнейшее событие. У Шóлома-Израиля появилась серого цвета специальная форма – неременное условие ученичества: шинель, гимнастерка, фуражка с кокардой, кожаный ремень с латунной пряжкой, на которой были отштампованы литеры «МРУ» – Минское реальное училище. На фуражке – желтый кант реалистов (у гимназистов – белый) и желтая латунная кокарда из двух скрещенных дубовых ветвей (у гимназистов – серебристая). Для изготовления формы обратились в специальную портняжную мастерскую мужской одежды Я.Л. Залкина, что располагалась в доме Машкилейсона на пересечении улицы Захарьевской и Богдельной, 61/21 [17]. Вслед за этим приобретением будто крылья выросли. Появилась уверенность: уже ничего не может препятствовать столь ожидаемому дальнему и высокому полёту туда – в неведомое, но так манящее будущее.

Так, как бы исподволь, незаметно, в волнительной тревоге и радостной суете, этим летом закончилось детство Шóлома-Израиля Перельмана. Может быть в череде бытовых забот ему доставалось не слишком много ласки от родителей. Однако всегда и во всём ощущался покров их нежной заботы, от которой часто хотелось освободиться. Порою в нём прорезались черты бунтаря, которые, впрочем, были ничтожными по сравнению с тем, что было много позже. Никто об этом не знал, и потому первые успехи ученичества воспринимались в большей степени не как проявление самостоятельности. Родители видели в происходящем умственные способности первенца, залогом которых было усердие и унаследованные от них нужные задатки легко, без чьего-либо принуждения познавать азы разных наук. Моисей и Рахиль Перельманы были в это время ангелами-хранителями своего сына. Об этом позднее с особым трепетом и благодарностью вспоминал Израиль.

А пока же ... морозящим дождиком очередное лето растворялось в бесконечном круговороте природы, и вместе с ним исподволь уходило в прошлое беззаботное детство одного из многих мальчишек минской окраины – того самого заводского захолустья, его малой родины – Ляховки.

Продолжение в следующем номере.

Цитировать:

Ларичев А.Б. Израиль Перельман: берега его жизни, или закоулки детства и отрочества. К 130-летию со дня рождения. Вестник экспериментальной и клинической хирургии 2022; 15: 3: 278-285 DOI: 10.18499/2070-478X-2022-15-3-278-285.